

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА В ЗНАЧЕНИИ И ТОЛКОВАНИИ ИДИОМ: ТАВТОЛОГИЯ ИЛИ ЧАСТЬ СЕМАНТИКИ?

© 2010 г. А. Н. Баранов

В статье рассматриваются аргументы в пользу введения внутренней формы в модель значения идиомы. Внутренняя форма имеет две стороны – это образ и одновременно способ указания на актуальное значение, или его мотивация. Игровое поведение идиом, автономные контексты употребления, использование различных ограничителей при введении идиом в дискурс, амальгамирование актуального значения и внутренней формы – эти и ряд других факторов, разбираемых в статье, являются доказательствами необходимости включения внутренней формы как в структуру значения, так и в толкование идиомы.

The author presents arguments in favor of incorporating the inner form of idiom into the model of its meaning. The inner form is twofold: it is an image and, simultaneously, a way in which its actual meaning is conveyed or motivated. Play on words, characteristic of idioms, their autonym usage, use of various restrictions in the process of their introduction into discourse, amalgamation of their actual meaning and inner form – these and some other factors discussed in the paper are evidence for considering the inner form a part of the structure of the meaning as well as of the definition of idiom.

Две стороны внутренней формы – образ и указание на актуальное значение

Принято не без оснований считать, что образность – отличительная особенность фразеологии по сравнению с обычной лексикой. Образ в идиомах (именно об идиомах как центральной части фразеологии и пойдет речь ниже) в виде метафоры или других тропов реализуется во внутренней форме. Говоря очень обобщенно, **внутренняя форма – это осознаваемая носителем языка образная мотивация значения языкового выражения его составляющими – словами или морфемами**. Роль носителя языка в формировании обсуждаемой категории оказывается решающей: именно этим внутренняя форма отличается от этимологии¹. Отметим, что внутренняя форма как универсальная категория характеризует не только фразеологизмы, но и обычную лексику. Однако **образная часть, лежащая в основе приведенного определения – это только одна сторона внутренней формы**.

Вторая сторона внутренней формы состоит в **способе указания на актуальное значение** языкового выражения, или его мотивации. Ю.С. Маслов называет способ указания “мотивировкой”: «Мотивировка есть как бы способ изображения данного значения в слове, <...> можно сказать – сохраняющийся в слове отпечаток того движения

мысли, которое имело место в момент возникновения слова. В мотивировке раскрывается подход мысли человека к данному явлению, каким он был при самом создании слова, и потому мотивировку иногда называют “внутренней формой слова” <...>» [2, с. 45, 46]. Это движение мысли, о котором пишет Ю.С. Маслов, не исчезает совсем – оно фиксируется и так или иначе проявляет себя в актуальном значении соответствующей языковой формы – будь то фразеологизм или служебное слово. Ипостась способа указания позволяет, например, использовать внутреннюю форму для описания семантики косвенных речевых актов, представляя их “буквальные” значения как способ кодировки и мотивации актуального значения [3].

В традиции немецкого языкознания представление о внутренней форме языковых выражений восходит к работам В. фон Гумбольдта, который понимал под термином *innere Form der Sprache* (калькой которого и является русский термин “внутренняя форма”) нечто совсем иное. Идея Гумбольдта в связи с рассматриваемой категорией заключалась в том, что во “внутренней форме языка” заключается специфика восприятия мира носителями разных языков [4].

В отечественной традиции понятие “внутренней формы” связывается в первую очередь с идеями А.А. Потебни, который в рамках психологического подхода к явлениям языка высказал ряд плодотворных идей о мотивации значения слова его этимологией – происхождением. Хотя

¹ На фактор носителя языка в связи с внутренней формой совершенно справедливо обращается внимание в словарной статье *внутренняя форма* интернет-энциклопедии “Кругосвет” [1].

разделение между этимологией слова и его внутренней формой в работах А.А. Потебни не вполне отчетливо, тем не менее, в своих рассуждениях он часто указывает именно на психологический аспект употребления языковых форм, что оказалось важным фактором для последующего теоретического разграничения этих двух феноменов: “Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль” [5, с. 102]. В этом смысле можно сказать, что Потебня, связывая внутреннюю форму как с этимологией, так и с психологическими представлениями о мотивации значения, создал предпосылки для современной трактовки категории внутренней формы.

Важные соображения о сущности внутренней формы языка высказал в ряде исследований Г.Г. Шпет, который сознательно ушел от образного аспекта этого феномена, сосредоточившись на его “логическом аспекте”, понимаемом весьма широко: “Логические формы суть внутренние формы как формы идеального смысла, выражаемого и сообщаемого <...>” [6, с. 40].

Между внутренней формой в указанном понимании и этимологией есть “мостик” – то, что вслед за Ю.Д. Апресяном можно было бы назвать “этимологической памятью слова” [7]². Это та часть этимологии слова, которая влияет на актуальную семантику лексемы, но не осознается носителем языка – в этом ее существенное отличие от внутренней формы, которая является частью языкового сознания говорящего и слушающего. Так, производный предлог *кроме* в современном русском языке используется как в “объединительном” (*Кроме Ивана, в библиотеке был еще Петр*), так и в “разделительном” значениях (*Кроме Ивана никто не пришел*). В основе *кроме* лежит пространственная идея ‘нахождения вне пределов чего-либо’: в древнерусском языке фиксируется значение ‘вне, снаружи’. Исходно это местный падеж ед. числа от *крома* (то же, что *кромка*) – ‘перегородка’ [9]. Иными словами, речь идет о некоторой “перегородке”, разделяющей пространство (возможно, замкнутое) на две области. Тем самым способ указания, фиксированный в предлоге *кроме*, передает актуальное значение через концепт разделения пространства на различные области – постановка перегородки разделяет пространство на две области – отсюда “разделительное” зна-

чение, а снятие – объединяет, что соответствует “объединительному” значению [10]. Понятно, что происхождение *кроме* от существительного *крома* вряд ли осознается обычным носителем языка, однако слово само отражает свое происхождение в структуре полисемии. Этимологическая память слова влияет на его актуальное значение. В этой статье речь пойдет именно о внутренней форме, а не об этимологической памяти в указанном понимании.

В последние десятилетия категория внутренней формы привлекает внимание многих специалистов, работающих в разных областях лингвистической семантики. Влияние этимологических факторов на семантику слова изучается, например, в ряде когнитивно-ориентированных исследований семантики однозначных и служебных лексем [11; 12]. Потенциал внутренней формы с точки зрения развития многозначности слова анализируется в работах А.А. Зализняка [13]. Многолетний проект по описанию семантики идиом, предполагающий исследование внутренней формы как важнейшего компонента семантики фразеологизмов и отражение его в модели значения – в толковании, осуществляется в Институте русского языка РАН [14; 15]. Реализация этих идей потребовала разработки специального аппарата семантических операторов, с помощью которых внутренняя форма вводится в толкование – в том числе словарное [16]. Имеется уже опыт создания словаря идиом – “Фразеологического объяснительного словаря русского языка”, – в котором в толкованиях эксплицируется не только актуальное значение, но и внутренняя форма [17].

Кажется уже очевидным, что внутренняя форма, будучи частью плана содержания фразеологизма, оказывается важным фактором, влияющим на употребление фразеологизмов различных типов. Однако, несмотря на уже достаточно широкое распространение идеи о необходимости введения внутренней формы в экспликацию семантики фразеологизмов, теоретические основания такого расширения семантического представления до сих пор не вполне очевидны и прозрачны. В ясном виде они не были сформулированы и обнародованы. Отсутствует подробное перечисление и обсуждение аргументов такого рода и в обобщающей монографии по фразеологии [16]. Цель данной статьи заключается в том, чтобы суммировать и последовательно рассмотреть имеющиеся аргументы в пользу представления внутренней формы и как части семантики, и как части семантической модели значения (и толкования в том числе) на примере идиоматики.

² Термин “этимологическая память слова” воспроизводится Ю.Д. Апресяном со ссылкой на работу В.И. Абаева [8]. Отметим, что этимологическая память понимается в данной статье несколько иначе, чем в [7].

Аргумент первый – языковая игра

Игровые употребления типичны для идиоматики. По данным, приводимым в [16, с. 376], на игровые употребления приходится порядка 3% примеров использования идиом, то есть около 1500 контекстов из 50000 контекстов, представленных в “Базе данных по современной идиоматике”³. При игровом употреблении внутренняя форма оказывается одним из основных источников языковой игры. Рассмотрим некоторые примеры:

(1) Единственная отличительная черта в этой войне – нас *кормили* “на убой” (и в прямом, и в переносном смысле слова): овощи, фрукты – всего навалом... Я даже удивляюсь, как это все им удается доставлять... [Огонек].

(2) За время перестройки все *запретные* плоды мы уже *съели* и даже *переварили* [Корпус Публ.].

(3) Осудив и совесть, и бесстрашие, / Вроде – не заложишь и не купишь их, / Ах, как вы присутствуете, ражие, / *По карманам* рассовавши *кукиши*! [А. Галич. Мы не хуже Горация].

В примерах (1)–(3) в контексте употребления соответствующих идиом обсуждается их внутренняя форма. В примере (1) в явном виде говорится о прямом и переносном значении выражения *кормить [как] на убой* – то есть об актуальном значении идиомы и ее внутренней форме, которая сформирована буквальным значением соответствующих слов. В примере (2) смысл снятия запретных тем выражается обращением к внутренней форме идиомы *запретный плод*: *все запретные плоды мы уже съели и даже переварили*. В последнем примере “кукиш” на фоне актуального значения идиомы *держать кукиш в кармане* одновременно осмысливается как сжатый кулак с большим пальцем, выглядывающим между указательным и средним пальцами, засунутый в карман (причем во множественном числе). Такой способ

языковой игры, предполагающий совмещение актуального значения идиомы и буквального значения ее компонентов получил название **материализации метафоры**⁴. Использование этого приема предполагает осмысление и осознание говорящим внутренней формы как части семантики соответствующей идиомы.

Аргумент второй – ироническое употребление идиом

Употребление многих идиом сопровождается иронией. Этот семантический эффект функционирования идиоматики иногда не вполне корректно интерпретируется как стилистические особенности употребления⁵. Отнесение иронии к стилистическим характеристикам весьма сомнительно. Ирония предполагает, что сказанное говорящим понимается в ровно противоположном смысле. В общем случае одна и та же языковая форма может использоваться обычно и при выражении иронии. Очевидно, что идиомы, которые имеют в словарях помету *ирон.* (если таковая предусмотрена), обладают какими-то особенностями в семантике, регулярно порождающими эффект иронии. Как показывает анализ, весьма часто ключ к объяснению возникновения иронии при употреблении идиомы лежит во внутренней форме. Рассмотрим несколько примеров:

чесать репу = ‘Напряженно думать, решая некоторую проблему и испытывая в связи с этим затруднения, что описывается как внешнее проявление типичного действия думающего человека в виде жеста – поскребывания кончиками пальцев своей головы (как бы приводящего мысли в движение), парадоксально осмысливаемой как овощ, похожий на голову по форме, но совершенно не способный к мышлению.’

Из толкования хорошо видно, что сопоставление головы – как инструмента мышления – и овоща, похожего на голову, но совершенно неспособного к мышлению, определяет ироничность использования данной идиомы. Иными словами, иронический эффект употребления, основанный на противоречии между тем, что говорится, и тем, что понимается, порождается в случае идиомы *чесать репу* тем, что идиома описывает процесс напряженного размышления, а инструмент мышления подается во внутренней форме идиомы как что-то, совершенно не способное к мышлению. Контраст такого рода и приводит к иронии.

⁴ Есть и альтернативные названия этого приема – “овеществление метафоры”, “воплощение метафоры”.

⁵ Ср., например, введение пометы *ирон.* в [17–19].

³ База данных по современной идиоматике создавалась в Институте русского языка РАН с 1985 г. К настоящему времени она включает более 50 тысяч контекстов употребления идиом в публицистике и современной художественной литературе (с 60-х гг. XX в.), полученных в результате сплошной выборки идиом по текстам. Правдоподобных оценок частоты игровых употреблений обычной лексики нет, но можно предположить, что она должна быть существенно ниже – особенно если учесть, что относительная частота употребления обычных слов существенно выше, чем идиом. Соответственно, абсолютная частота игровых употреблений обычных слов – даже если она существенно выше абсолютной частоты игровых употреблений идиоматики – должна быть усреднена: скорректирована с учетом большей частотности обычных лексем.

Еще аналогичный пример:

под белы руки/рученьки [взять/подхватить... (кого-л.)] = '(В ситуации привлечения кого-л. к ответственности за противоправные действия или недопустимое поведение) насильственно лишить кого-л. свободы передвижения, чаще всего силами нескольких уполномоченных лиц, с целью перемещения в специальное место, выход из которого затруднен, что описывается с помощью стандартного фольклорного оборота, используемого для описания почтительного обращения с положительными персонажами.'

В толковании данной идиомы возникновение иронии объясняется контрастом между арестом человека (вызванным его противоправными действиями), что отражается в актуальном значении, и утрированно выраженным пиететом к нему как к очень уважаемой персоне, передаваемым во внутренней форме. Противоречие между этими "полюсами" и порождает иронию.

Ирония может создаваться и еще более тонкими и разнообразными механизмами. Так, относительно недавно возникшая идиома *старик Батури́н*, используемая по отношению к мэру Москвы Ю. Лужкову, характеризуется отчетливой иронической окраской. В данном случае ирония возникает по двум причинам. Первая действительно связана с внутренней формой: градоначальник – важнейшая политическая фигура Москвы, политический "тяжеловес" (как говорят политологи) – назван по фамилии своей жены: *старик Батури́н* = 'Мэр Москвы – Ю. Лужков, осмысляемый в отношении к своей жене – как ее престарелый родственник'. В этом нельзя не увидеть ироническое принижение столь именитого политика (не подпадающее, впрочем, ни под какие статьи ГК или УК РФ), и толкование достаточно эксплицитно указывает на это – специальной стилистической пометы явно не требуется. Вторая причина иронии связана с известным политическим анекдотом советских времен: В кремлевском коридоре к Брежневу подходит старушка и спрашивает: – Леонид Ильич, вы не помните? – М-м-м... – Ну, моя фамилия Крупская. – А! Да, да, да. Конечно же! Очень рад вас видеть. – Наверное, вы и мужа моего помните? – Ну да, конечно, кто ж не помнит старика Крупского! Здесь ироническое осмысление почти ассоциативно, но вполне прочитываемо носителем русского языка, погруженным в контекст современной политической и общественной коммуникации. Впрочем, эту часть смысла вряд ли можно включать в словарное толкование – это, скорее, тема для словарного комментария.

Таким образом, включение в толкование внутренней формы, экспликация ее семантики вместе с актуальным значением позволяет объяснить ироничность контекстов использования многих идиом, избегнув *ad hoc*-овой маркировки специальной пометой, которая, по сути, его не объясняет.

Аргумент третий – автонимные употребления

Автонимные употребления – это такие случаи использования языковых выражений, когда говорящий в тексте в явном виде обращает внимание на те или иные аспекты их семантики или формы, а также на сам факт их использования. В отличие от случаев языковой игры, автонимное употребление не порождает нескольких смысловых планов, которые и обеспечивают игровой эффект, однако при автонимном употреблении внутренняя форма идиом часто обсуждается, что также указывает на ее осознание носителем языка. Ср. примеры (4)–(6):

(4) "*Соврет – недорого возьмет*" – говорят о человеке, лгушем по любому поводу. Лгущий не берет за свою ложь денег, но часто ложь скрывает конкретный меркантильный интерес [Корпус Публ.].

(5) Зимой обостряется проблема ожидания наземного городского транспорта. Прибаутка *Я не такая, я жду трамвая* приобретает неожиданно свежий смысл [Столица].

(6) Называя внезапно разбогатевшего приятеля "*богатенький Буратино*", не подумайте, что вы цитируете Алексея Толстого [В. Быков, О. Деркач. Книга века].

Во всех приведенных примерах говорящий обращает внимание на сам факт употребления соответствующих выражений, пытается осмыслить, почему они употреблены и в каком значении, одновременно он апеллирует и к внутренней форме, причем часто внутренняя форма и актуальное значение не очень различаются, осмысляясь как одно целое – ср. в особенности (4) и (5).

Аргумент четвертый: "Hedges" – комментарии к идиомам

Дж. Лакофф в работе "*Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts*" выдвинул гипотезу о существовании семантического класса лексем, используемых говорящим для ограничения силы своего утверждения, для размытия или, наоборот, сужения семантики слов, отсылающих к понятийным классам – категориям мышления [20]. Они были названы "*hedges*", то есть "загородки" или, как можно

было бы перевести на русский язык несколько более вольно – “ограничители”. К ограничителям относятся такие выражения как *строго говоря*, *просто* (в некоторых употреблениях), *буквально*, *фактически*, *в собственном смысле*, *по крайней мере*, *по меньшей мере*, *типа*, *как бы*. Довольно часто семантика ограничителей может передаваться средствами метаграфемы – в частности, кавычками.

Одна из важных особенностей использования ограничителей – метаязыковая функция. Ограничители указывают на то, что говорящий обращает внимание на особенности семантики или прагматики языкового выражения. При использовании ограничителей говорящий осознает, что речевое высказывание как-то отличается от нормального или стандартного, что что-то в нем “не так”. Употребление фразеологизмов часто сопровождается ограничителями. Наиболее типичный случай – “закавычивание” идиом: *Дальше начинается “запретная зона” под названием “общие экономические интересы”*; *За месяц до этого они летали в Германию, где укрылся “богатенький Буратино”*; *Работал Чегодаев закройщиком, спивался же на те, что “давали в лапу”*; *Пусть зритель следит и гадает, вживую поет артист или “под фанеру”*; *“Пудрил мозги” новичку фотокорреспонденту*; *Каждое слово “не в бровь, а в глаз”*; *Хорошая женщина всегда в этом случае найдет способ без скандала “почистить мозги” супругу*.

В приведенных словосочетаниях использование кавычек не мотивировано никакими правилами, в представленных примерах нет ни иронии, ни цитирования. Единственное основание – осознание говорящим использования выделенного выражения в несобственном, то есть в переносном, значении. Поскольку “собственное” (прямое) значение и есть в этих случаях внутренняя форма, то факт перехода к переносному значению говорящий маркирует кавычками – тем самым маркируется и внутренняя форма. В этом смысле именно внутренняя форма явилась единственной причиной выделения идиомы кавычками.

В качестве лексических ограничителей при идиомах широко используются вводные обороты (как *говорится*, *что называется*, *так сказать*), наречия, частицы и устойчивые сочетания служебных слов (как *бы*, *буквально*, *натурально*, *воистину*): *Высказал Жихареву свое мнение, что его сообщение есть, как говорится, художественный свист*; *Как говорится, прокукарекал, а там хоть не рассветай*; *Как говорится, божий дар и яичница*; *Критик*

Пертов в газетном опросе, что называется, на голубом глазу назвал роман Марининой “Стилист” лучшим романом года; *Автор, что называется, за уши притягивает разные вещи*; *С той поры у него пошла чересполосица: выговор – благодарность в виде снятия выговора – орден за трудовые достижения, а потом почему-то – снова выговор, и снова-здорово как по-русски говорится*; *Как говорится, сапожник без сапог*; *Дом был разгромлен, буквально вывернут наизнанку*; *Смягчить известие, подсластить, так сказать, пилюлю*; *Все “говорит как бы в кавычках*; *Лунный модуль летел как бы задом наперед*; *Получилось все как-то задом наперед*; *Воистину – ни убавить, ни прибавить к этому афоризму*; *Натурально, сапожник без сапог*; *началась настоящая собачья свадьба*, *Ты просто откармливаешь себя, как на убой*.

Пунктуационный ограничитель – кавычки – часто сочетается с лексическими ограничителями: *Каждое растение, каждый элемент были на своем месте, как говорится, “ни убавить, ни прибавить”*; *Что называется “ездили по ушам”*; *“Хитачи”, что называется, “попала в яблочко”*; *натурально, “тех же щей, да побольше влей”*.

И по функции, и по семантике контексты использования ограничителей во многом похожи на случаи автономного употребления языковых форм. Действительно, ограничители указывают на рефлексию говорящим своей речи, но рефлексия является важнейшей особенностью и автономных употреблений. В этом смысле ограничители могут рассматриваться как вариант автономного модуса использования языка.

Аргумент пятый – народная этимология

Как уже говорилось выше, феномен внутренней формы прямо связан с языковым сознанием человека: образ, фиксированный во внутренней форме, должен в той или иной мере осознаваться. Конечно, есть и более глубокий слой семантики во внутренней форме, граничащий с этимологией, который также влияет на актуальное значение (“этимологическая память слова” – см. выше), однако он, как правило, не осознается носителем языка и в силу этого им сейчас можно пренебречь. Способы отражения в семантической экспликации “этимологической памяти” – особая тема, выходящая за рамки данной статьи.

Процесс осознания внутренней формы не пассивен, это творческая деятельность. Творческое начало рассматриваемого психологического и когнитивного процесса проявляется в народной

этимологии: наивной попытке мотивировать актуальное значение слова его формой – на самом деле внутренней формой, конструируемой человеком и часто привносимой “извне”. Примеров такого рода множество: *семья* – осмысливается как “семь я”, *шумовка* – как производное от слова *шум*, *студент* – как производное от слова *скудный* (версия А.С. Шишкова), *этруски* – как *это русские хитрушки* (версия Тредьяковского) и т.д. Осознание мотивации актуального значения в таких случаях является решающим фактором. Н.В. Крушевский писал в статье о народной этимологии о “чутье” носителя языка как одной из важнейших характеристик этого феномена: “чутье происхождения *a* от *A* или родство *a* с *A*” [21, с. 49]. Часто наивная попытка мотивации приводит к изменению означаемого: *пиджак* превращается в *спинжак* (от слова *спина*), *поликлиника* – в *полуклинику*, *микроскоп* – в *мелкоскоп*, *фельетон* – в *клеветон* (Лесков), *лопатка* – в *копатку*. Народная этимологизация нередко оказывается настолько устойчивой, что способствует формированию новых слов. Именно в результате наивной этимологизации в русском языке появилось слово *зонт*, которое на синхронном уровне рассматривается как производящее для слова *зонтик*, хотя реальный процесс заимствования направлен в противоположную сторону (от голландского *zondek*). Наивные этимологические рассуждения даже кладутся в основу идеологизированных систем, призванных компенсировать проблемы самоидентификации, существующие в современном российском обществе (см. имеющие широкий общественный резонанс выступления и публикации М. Задорнова).

Народная этимология как способ объяснения семантики вполне типична и для фразеологизмов. Это особенно характерно для тех случаев, когда происхождение идиомы неясно, а образ – жив и ярк. Например, происхождение идиомы *филькина грамота*, используемой в современном языке в значении ‘документ официального характера, удостоверяющий или гарантирующий что-л., составленный с грубым нарушением существующих норм, совершенно не соответствующий действительности или не имеющий смысла, описываемый как *результат письменного творчества необразованного и пренебрежительно названного человека*’, даже в научных источниках связывается с именем митрополита Филиппа, призывавшего Ивана Грозного прекратить насилие над народом во времена опричнины. Будто бы Иван Грозный презрительно называл опального митрополита Филькой, а его послания – “Филькиными грамотами”.

Это типичный пример народной этимологизации. Скорее всего данное выражение возникло позднее на основе диалектной семантики имени *Филя* как характеристики неумного человека. По Далю, *Филя* – “простофиля, простак, разиня, недоумок” [22]. Именно такое употребление слова *филя* обнаруживается у П. Мелькова-Печерского: *Уж и обьегорил же я его, обул, как филью в чертовы лапти!* [П. Мельников-Печерский. В лесах]. Это объясняет отсутствие данной идиомы в текстах русского языка XVIII и XIX вв., представленных в существующих корпусах, а также в имеющихся словарных источниках того времени. По данным корпусов текстов, активное употребление этого выражения начинается только в 30-х годах XX в. В пользу этой версии происхождения идиомы *филькина грамота* говорит и то, что можно было бы назвать прагматическими факторами: странно, что в языковом сознании народа – в виде идиомы – сохранился такой вариант номинации писем митрополита Филиппа, просившего о милости к жертвам опричнины, который отражает точку зрения Ивана Грозного. Скорее, следовало бы ожидать обратного.

Народная этимологизация влияет даже на план выражения идиомы. Известно, что идиома *реветь/выть белугой* возникла в результате переосмысления названия не известного широкой публике животного *белуха*, относящегося к китообразным. Рыба белуга не издает звуков, которые способно услышать человеческое ухо. Тем не менее, обыденное сознание и в этом случае оказывается сильнее научных представлений.

Выразительные примеры народной этимологизации фразеологизмов приводятся в известной статье В.В. Виноградова “Об основных типах фразеологических единиц в русском языке” [23]. Обсуждая сущность фразеологических сращений, В.В. Виноградов приводит пример народной этимологии выражения *кузькина мать* из романа Н.Г. Помяловского “Брат и сестра”: “Хорошо же, я тебе покажу кузькину мать... Что это за *кузькина мать*, мы не можем объяснить читателю. У нас есть много таких присловий, которые от времени утратили смысл. Вероятно, *кузькина мать* была ядовитая баба, если ею страшат захудалый род”.

Очевидная склонность носителей языка к мотивированию актуального значения слова его внутренней формой – даже там, где эта связь утрачена – с определенностью указывает на то, что в нормальном случае актуальное значение слова должно быть как-то мотивировано способом указания на это значение. Отсюда следует,

что “человек говорящий” воспринимает внутреннюю форму как составную часть семантики лексической единицы.

Аргумент шестой – идиомы с семантическим доминированием внутренней формы

Принято считать, что внутренняя форма – это периферийный слой семантики, который не входит в толкование и не охватывается другими типами семантических экспликаций. Иными словами, актуальное значение и внутренняя форма неравноценны, причем в том смысле, что внутренняя форма “слабее”, менее существенна и даже факультативна: она либо отсутствует вообще, либо воспринимается носителями языка по-разному, будучи похожей на ассоциативный слой плана содержания. На материале фразеологии эта идея часто подтверждается. Однако в целом ряде идиом актуальное значение, наоборот, тривиально, а внутренняя форма образует наиболее существенную часть плана содержания. Такова, например, группа идиом – речевых формул, указывающих на неуместность предшествующего речевого акта собеседника:

(7) {– Ну?} – Баранки гну!; {– Где?} – У тебя на бороде; {– Откуда?} – От верблюда!; {– ... товарищ...} – Тамбовский волк тебе товарищ./ Твои товарищи в Брянском лесу бегают, хвостами машут; {– Куда?} – На кудыкину гору; {– ...товарищ...} – Гусь свинье не товарищ; {– Кто?} – Дед Пихто; {– Ну?} – Дышло гну; {– Ну?} – Когда запряжешь, тогда и будешь нукать; {– Ну?} – [Не нукай,] не запряг [ещё]; {– Почему?} – По кочану!; {– Где?} – В Караганде; {– Кто?} – Конь в пальто; {– Говорят.} – [Где-то] кур доят, {– Потом.} – Суп с котом; {– Куда?} – На улицу Труда; {– Почему?} – [Потому что “почему”] кончается на “у”.

В семантическом поле идиом, обозначающих речевые акты с семантикой НЕСОГЛАСИЯ и ВОЗРАЖЕНИЯ, представлено порядка пятидесяти выражений такого типа (см. состав этих таксонов в “Словаре-тезаурусе современной идиоматики” [24]).

Актуальное значение всех этих выражений сводится к идее неуместности реплики собеседника, а вот способ указания на это – внутренняя форма – оказывается чрезвычайно разнообразной. Именно это и оправдывает существование такого большого количества речевых формул указанного типа с идентичным актуальным значением. Рассматриваемая особенность семантики идиом хорошо видна на примере толкования речевой формулы *баранки гну*.

(8) {– Ну?} – *Баранки гну!* = ‘Оценка неуместности речевого поведения собеседника как ответная реакция на его реплику (содержащую частицу “ну” и в невежливой форме настоятельно побуждающую говорящего сделать что-л. или указывающую на невежливое согласие) в форме указания на собственную занятость абсурдным действием придания круглой формы одному из видов хлебобулочных изделий, уже имеющему круглую форму, причем выбор названия действия определяется исключительно тем, что оно рифмуется с первой репликой собеседника и тем самым передразнивает его’.

В приведенном толковании внутренняя форма, вводимая оператором ‘в форме указания’ выделена курсивом. В часть толкования, не выделенную курсивом, попадает не только актуальное значение, но и иллокутивная составляющая ‘как ответная реакция на его реплику...’, эксплицирующая иллокутивное вынуждение со стороны собеседника. Видно, что удельный вес внутренней формы в семантике идиомы *баранки гну* существенно выше, чем актуального значения. Следствия внутренней формы обнаруживаются и в реальном употреблении данной идиомы (и других идиом такого типа) – крайняя невежливость (почти грубость), передразнивание собеседника, нежелание продолжать коммуникацию (по крайней мере, в этом направлении). Все эти эффекты невозможно объяснить, если ограничиваться в словарном толковании (и любой другой семантической экспликации) только актуальным значением.

Рассмотрим еще один пример: идиому – речевую формулу *[Не нукай,] не запряг [ещё]*, используемую как ответная реакция на побуждающую реплику адресата, содержащую частицу *ну* (ср. контексты типа – *Мне старому, правду скажи. Ну? – Не надо, Михалыч, – ответил Кунин. – Не нукай. Не запряг еще.*):

(9) {– Ну?} – *[Не нукай,] не запряг [ещё]* = ‘Оценка неуместности речевого поведения собеседника как ответная реакция на его реплику (содержащую частицу “ну” и в невежливой форме настоятельно побуждающую говорящего сделать что-л. или указывающую на невежливое согласие), в которой реплика собеседника переосмысливается как относящаяся к домашнему животному, находящемуся в полной власти собеседника, и в которой указывается на то, что говорящий не является этим домашним животным и, следовательно, не находится в полной власти собеседника, причем

*выбор домашнего животного определяется фонетическим сходством реплики собеседника с междометием, иницирующим движение этого животного*⁶.

В толковании (9), как и в предшествующем случае, на актуальное значение приходится только фрагмент, выделенный полужирным шрифтом – ‘оценка неуместности речевого поведения собеседника’. Немаркированная часть – это иллокутивная составляющая речевого акта, а также ограничения на семантику и прагматику предшествующего высказывания собеседника. Наконец, внутренняя форма выделена курсивом: в ней актуальное значение – оценка неуместности – передается в виде нарочитого переосмысления реплики собеседника как обращенной к ослу, лошади, мулу и т.п. и делается естественный вывод, что говорящий таким животным не является. Это и мотивирует актуальное значение данной речевой формулы. Интуиция подсказывает, что сила семантики внутренней формы, ее коммуникативная значимость в данном случае настолько велика, что специального оператора для ее маркировки в толковании не требуется.

Отметим, что актуализованность внутренней формы значительна и у идиом других классов. Ср., например, жаргонную речевую формулу *Держи корягу* = **‘Как начальное, так и ответное дружеское приветствие**, сопровождаемое жестом протягивания руки для рукопожатия, *в форме предложения пожать руку, осмысляемую как суковатый кусок дерева, простота и непритязательность*⁶ *которого демонстрирует искренность и дружеское расположение говорящего*’. В данном примере образ формирует важнейшую часть семантики идиомы: он мотивирует дружеское расположение по отношению к собеседнику, а также создает эффект искренности, который вряд ли можно рассматривать как непосредственный компонент актуального значения. Наведение его внутренней формой, эксплицированной в модели значения, оказывается более удачным способом передачи “слабой” семантики, чем лапидарное указание специальным семантическим компонентом.

Казалось бы, диспропорцию между актуальным значением и внутренней формой в предложенных толкованиях можно было бы уменьшить, разделив на более элементарные смыслы идею неумест-

ности предшествующей реплики, составляющую суть актуального значения рассматриваемых идиом. Однако это дало бы чисто внешний эффект: при сохранении соразмерности в представлении актуального значения и внутренней формы последняя из-за симметричного возрастания дробности семантических компонентов также увеличится и диспропорция сохранится.

Для случаев рассматриваемого типа метафора “слоеного пирога”, часто используемая для описания и объяснения феноменов значения, не пригодна: она мало что объясняет. Скорее, можно было бы говорить о метафоре айсберга: верхушка айсберга – актуальное значение, а его подводная часть – внутренняя форма. Впрочем, для идиом разбираемой группы этот айсберг должен быть перевернут или, по крайней мере, положен на бок: как мы видели, внутренняя форма в рассматриваемых примерах актуализована не в меньшей степени, чем само актуальное значение.

Крайний случай действия принципа доминирования внутренней формы – эвфемизмы. К этой группе слов и идиом принято относить такие выражения, которые возникли как результат переобозначения либо соответствующих обценных (бранных, грубых и т.д.) выражений – эвфемизмы обценного, либо табуированных сущностей – эвфемизмы табуированного (выражения, относящиеся к смысловым полям СМЕРТИ, СЕКСА, реже лексика, связанная с тюремными реалиями)⁷. К первой группе можно отнести, например, идиомы *[сидеть...] не отрывая задницы/зада, отхожее место, засунуть [себе] в известное место/одно место*, а ко второй – выражения *груз 200, черный тюльпан, места не столь отдаленные*. Само существование эвфемизмов указанных типов объясняется тем, что их внутренняя форма в определенном смысле “подавляет” те смыслы, которые воспринимаются как неприличные или табуированные. Внутренняя форма эвфемизмов настолько значима, что в пору именно ее рассматривать как коммуникативный фокус, опуская демотивационные аспекты семантики в более глубокие слои плана содержания.

Аргумент седьмой – необъяснимая избыточность некоторых синонимических рядов идиом

В русской идиоматике обнаруживаются ряды идиом с практически совпадающим актуальным значением. Один из них был представлен выше – это иллокутивно вынуждаемые реплики с общим актуальным значением неуместности речевого

⁶ Конечно, семантически корректнее в данном случае было бы ‘необработанность’ – или что-то в этом роде, однако ‘непритязательность’ лучше из чисто стилистических соображений. Толкование как феномен словарного описания, ориентированного на понимание, не лишено идеи стиля.

⁷ Подробнее об этих типах эвфемизмов см. заключительную статью в “Словаре-тезаурусе современной идиоматики” [24].

поведения собеседника – см. (7). Имеются и другие группы, например, поле идиом с семантикой ‘ненужности’, представленное идиомами с эксплицитным сравнением:

(10) нужен как дырка в голове (кто-л./что-л. кому-л.); [нужен] как зайцу стоп-сигнал/бубен/триппер/модная болезнь/колокольчик/профсоюз... (кто-л./что-л. кому-л.); [нужен] как козе баян; нужен как пятое колесо в телеге (кто-л./что-л. кому-л.); нужен как попу гармонь (кто-л./что-л. кому-л.); нужен как рыбе/щуке зонтик (кто-л./что-л. кому-л.); нужен как собаке пятая нога (кто-л./что-л. кому-л.); нужен как ежу моторная лодка (кто-л./что-л. кому-л.).

Если не принимать во внимание внутреннюю форму, то столь значительная избыточность рядов идиом такого типа становится совершенно необъяснимой. Действительно, зачем языку, его лексической системе такое количество единиц с фактически идентичным актуальным значением? Избыточность языковой системы – вполне рядовое явление, но не до такой же степени... Между тем, очевидно, что идиомы в приведенных рядах отличаются только внутренней формой. Именно она и является обоснованием и оправданием существования кажущейся избыточности. Образ в естественно-языковой коммуникации не менее важен, чем информация, заложенная в актуальном значении.

Аргумент восьмой – “амальгамирование” актуального значения и внутренней формы

Между актуальным значением и внутренней формой нет непреходимой грани. Хотя во многих случаях внутреннюю форму удобно (и естественно) вводить в отдельном компоненте толкования (модели значения), для некоторых идиом такое разграничение выглядит крайне неудачно. Ср. толкование следующих идиом:

(11) *мало не покажется* = ‘Последствия какого-л. действия или события настолько неприятны, что это исключает возможность их недооценки’ [25].

(12) *не находить себе места* (от чего-л./ ϕ) = ‘Испытывать болезненные ощущения, заставляющие безуспешно искать такое положение тела, в котором эти ощущения менее выражены, и не находить этого положения’, [25].

(13) *ни много ни мало [как]; ни мало ни много [как]* = ‘Указание на то, что нечто воспринимается как превосходящее некоторые ожидания для данной ситуации, в точности соответствующему отклонению от ожиданий’ [25].

Сам факт существования идиом с такой семантикой с определенностью говорит о том, что актуальное значение и внутренняя форма – это феномены хотя и различных слоев плана содержания, но одной природы.

Разумеется, можно попытаться сформулировать толкование таким образом, что внутренняя форма будет дана отдельно. Например, для идиомы *мало не покажется* такая экспликация будет иметь следующий вид: ‘Выражение мнения, что последствия какого-л. действия или события очень неприятны, в форме утверждения, что никто не посчитает их незначительными’. В принципе такое толкование не выглядит совсем уж противоречащим интуиции, если бы не одна проблема: относится ли семантический компонент ‘никто не посчитает их незначительными’ к способу указания, то есть к внутренней форме? Действительно, диалоги типа – *Если упираться, то мало не покажется – денег совсем не дадут. – Есть вещи и поважнее: сейчас обманут – все время обманывать будут* или *Цены на местном рынке такие, что мало не покажется – Ну, столичный житель в обморок не упадет* ощущаются как совершенно нормальные, хотя там в ответной реплике обсуждается та часть семантики идиомы, которая относится к внутренней форме. Между тем, обсуждение внутренней формы, образа идиомы – это всегда какой-то нестандарт, переход на метауровень коммуникации (см. выше примеры 4–6). Иными словами, мы имеем дело со случаем, когда внутренняя форма и актуальное значение настолько переплетены, что отделить одно от другого довольно трудно. В силу этого стратегия “амальгамированного” представления этих феноменов в толковании представляется более обоснованной.

Еще более показательная группа примеров амальгамирования – идиомы с эксплицитным сравнением. Так, в идиоме *[всё] как у людей* (у кого-л./где-л.) внутренняя форма в принципе неотделима от актуального значения: ‘Так, как это представляется правильным и типичным для группы людей, мнение и образ жизни которой значимы для говорящего’. Попытка разделить эти феномены в модели значения приводит к тавтологии: ‘Так, как это представляется правильным и типичным – как бы правильным для группы людей, мнение и образ жизни которой значимы для говорящего, и свойственным ей’. Один из компонентов толкования – ‘правильный’ – повторяется в явном виде и в актуальном значении и во внутренней форме. Другой – ‘типичный’ – это то, что регулярно повторяется для элементов некоторого множества, то есть свойственно им. И здесь семантический повтор.

Амальгамирование актуального значения и внутренней формы – естественный феномен, связанный с характером образа, лежащим в основе указания на актуальное значение. В целом ряде случаев между ними нет ясной границы, что является еще одним аргументом в пользу их экспликации в полной модели значения и, соответственно, в толковании.

Аргумент девятый – казусы лингвистической экспертизы

Фразеологизмы (и идиомы в частности) регулярно оказываются предметом спора в судебных делах по статье 152 ГК РФ – защита чести и достоинства, а также по статье 130 УК РФ – оскорбление. Однако часто встречающиеся в исках утверждения о том, что сама внутренняя форма является источником унижения чести и достоинства или оскорблением, обоснованы, пожалуй, только по отношению к обценным, неприличным и бранным фразеологизмам (да и то не всегда)⁸. В остальных же случаях это вряд ли правомерно. Так, в одном из исков выражение *плод безумного/больного/болезненного воображения* было понято как унижение чести и достоинства на том основании, что истец, которому была адресована эта идиома, будто бы отнесен ответчиком к сумасшедшим. Очевидно, однако, что это не так. Для этого достаточно посмотреть на типичные примеры использования спорного фразеологизма, представленные в современной публицистике:

(14) Вообще, женщина модерна – мистификация, *плод болезненного воображения художников* [Независимая газета].

(15) Проблем между офицерами, генералами армии и МВД не существует, это *плод больного воображения* [Независимая газета].

Очевидно, что ни в примере (14), ни в примере (15) не имеется в виду психическое расстройство. Можно говорить лишь о том, что какие-то утверждения оцениваются как нелепые, причем нелепость описывается, осмысливается и мотивируется как результат каких-то психических отклонений.

Отметим, что ошибочное отождествление российскими судами внутренней формы фразеологизма *Ни стыда, ни совести!* с его актуальным значением явилось причиной удовлетворения Европейским судом по правам человека жалобы в деле “Гринберг против России”⁹.

⁸ См. по этому поводу подробнее [26].

⁹ См. перевод решения Европейского суда по правам человека по этому делу в [27, с. 129 и далее].

Смешение актуального значения и внутренней формы в исках такого рода с определенностью указывает на то, что для носителей языка – участников процессов о защите чести и достоинства – это феномены одной природы, и внутренняя форма – существенная часть плана содержания идиомы, не менее важна для носителя языка, чем ее актуальное значение.

Аргумент десятый – словарная традиция и научные описания

В существующих и активно используемых фразеологических словарях современного русского языка опыт экспликации внутренней формы отсутствует. Известные фразеологические словари английского, немецкого и французского языков также не включают этот компонент плана содержания идиом в толкования. Однако в русской фразеологии такой опыт имеется. Первый опыт пояснения в толковании внутренней формы представлен в словаре М.И. Михельсона, в котором прием экспликации образной составляющей используется почти регулярно. Ср. толкование идиом *подставить ногу*, *под освещением* и *без прелюдий*:

(16) *подставить ногу*: “подгадить кому (как поступают в борьбе, чтобы повалить противника)”;

(17) *под освещением*: “представлением чего-либо в известном виде – в известном свете (намек на освещение картин краской и на изображение света и всех изменений и оттенков его; а также на вид предмета в зависимости от более или менее удачного освещения его)”;

(18) *без прелюдий*: “без лишних слов, без предисловий, прямо к делу (намек на прелюдию музыкальную, служащую как бы введением для самой пьесы)” [28].

В приведенных толкованиях из словаря М.И. Михельсона внутренняя форма эксплицируется в скобках, причем в качестве оператора, вводящего этот компонент плана содержания слова, используется слово ‘намек’, а также сравнительный оборот ‘как бы’. В последующей лексикографической практике эта идея была прочно забыта, а идея использования соответствующей техники толкования – потеряна. Тем не менее, на уровне интуиции она обнаруживает себя в толкованиях современных толковых словарей. Так, в “Малом академическом словаре” обнаруживаем: “**Как часы** (работать, действовать и т.п.) – точно, бесперебойно, **подобно** [выделено мною. – А.Б.] ходу часов”; “**в знач. нареч. дождём**. Обильным потоком, во множестве; **подобно** [выделено мною. – А.Б.] дождю” [29]. Компонент толкова-

ния ‘подобно’ в словарных дефинициях “Малого академического словаря” может рассматриваться как оператор введения внутренней формы.

Интересно, что хотя в целом практика составления фразеологических словарей – в отличие от теоретической семантики – фактически отказалась от попыток экспликации внутренней формы, недостаточность мотивации актуального значения часто компенсировалась этимолого-культурным комментарием, факультативно вводимым составителями словарей. Например, идиома *чертова дюжина* сопровождается во фразеологическом словаре под ред. А.И. Молоткова комментарием, завершающим словарную статью: “По суеверным представлениям – число тринадцать – несчастливое число” [17].

В противоположность словарной традиции, в научных исследованиях по семантике роль внутренней формы в формировании значений вполне осознавалась, и во многих случаях экспликация внутренней формы ощущалась как совершенно необходимая. Так, семантическая сущность коннотаций прямо связана со сравнением, или, как пишет Ю.Д. Апресян, с “компаративностью” [7, с. 169]. Феномен компаративности Ю.Д. Апресян (вслед за Мельчуком и Жолковским [30]) отображает в толковании семантическим компонентом ‘как бы’. В исследовании Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука компонент ‘как бы’ интерпретируется как вводящий внутреннюю форму смысла: «Этот компонент... задает “внутреннюю форму” смысла, его образную структуру, его, так сказать, семантическую этимологию» [31, с. 204]. Ср. приводимое в [7, с. 169] толкование терминологического слова *пасынок* как ‘боковой побег растения – **как бы** [выделено мною. – А.Б.] пасынок 1 по коннотации не основного’. Оператор ‘как бы’ в данном случае позволяет установить эксплицитную связь с породившим его значением. Тот же самый оператор используется в семантической экспликации переносного значения глагола *столкнуться* (в контекстах типа *Я впервые столкнулся с такой проблемой*) в работе Е.В. Падучевой “Семантические исследования”: *X столкнулся с Y* = ‘1) до момента *t* *X* не знал о существовании *Y*-а или не имел дела с *X*-ом [презумпция]; 2) в момент *t* произошло нечто [фон]; 3) это вызвало: началось (**как бы** [выделено мною. – А.Б.] в результате движения навстречу и резко начавшегося контакта) состояние: *X* знает о существовании *Y*-а [ассерция] <...> [32, с. 157].

* * *

Тавтологично ли введение внутренней формы в толкование? Ответ на этот вопрос зависит от понимания термина “тавтология”. Как отмечается

в “Логическом словаре-справочнике” Н.И. Кондакова, тавтология – это “выражение, повторяющее в иной словесной форме ранее сказанное” [33, с. 585]. Если в этом определении “сказанное” соответствует содержанию, то экспликация внутренней формы вместе с экспликацией актуального значения представляет собой тавтологию по отношению к толкуемому выражению. В этом же смысле любое толкование оказывается тавтологией, поскольку оно в более эксплицитном виде отображает и, соответственно, повторяет семантику толкуемого выражения. В математической логике под тавтологией понимаются общезначимые формулы, истинные при любых значениях входящих в них переменных (например, формула “двойное отрицание *A* влечет *A*”). В семантике под тавтологией обычно понимается такой способ толкования, который основывается на повторении толкуемого выражения в самом толковании или на логическом круге: например, *A* толкуется через *B*, *B* – через *V*, а *V* – через *A* (см., в частности, [34, с. 63]). Способ экспликации внутренней формы в толковании не предполагает логического круга ни в одном из указанных пониманий. **По большей части в семантическую экспликацию вводится семантическое следствие из образа, фиксированного во внутренней форме, которое и мотивирует актуальное значение.** Ср. толкование идиомы *не в своем уме* = ‘Человек, мыслящий, думающий ненормально или испытывающий затруднения в мыслительной деятельности – *как бы* находясь вне пространства, собственного мышления, – и, как следствие, поступающий неадекватно обстоятельствам’. В приведенном примере мотивация актуального значения ‘Человек, мыслящий, думающий ненормально или испытывающий затруднения в мыслительной деятельности и, как следствие, поступающий неадекватно обстоятельствам’ происходит в результате профилирования идеи выхода из пространства, осмысляемого как то, где в нормальном случае происходит мышление человека. “Ненормальность мышления” мотивируется выходом из него и, тем самым, его недоступностью для человека.

Действительно, имеются случаи, когда допускается повтор слов, входящих во внутреннюю форму. Например, толкование идиомы *голову/башку оторвёт* (кто-л. кому-л. за что-л.) = ‘выражение опасения, что некоторые действия кого-л., противоречащие желаниям лица, находящегося в положении превосходства, приведут к очень серьезному наказанию, *осмысляемому как резкое принудительное отделение головы от тела*’ [25]. Повторение слова *голова* в толковании не создает в данном случае логического круга: дело

в том, что 'голова' – это только часть образа, представленного во внутренней форме. В образе речь идет о специфическом способе отделения головы от тела. Иными словами, образ в данном случае также толкуется (разделяется на более простые части), как толкуется и актуальное значение. Экспликация части образа 'голова' более простыми семантическими компонентами ('верхняя часть тела человека и т.д.') никак не сделала бы экспликацию образа более понятной, а только усложнила бы его. Как и в предшествующем случае, цель экспликации внутренней формы – указать следствие образа, мотивирующее значение, то есть передать идею опасности наказания за проступок образом утрированно жестокой физической расправы.

Включение внутренней формы в толкование – и шире в модель значения – продуктивно для фразеологизмов, в которых образ жив и хорошо ощущается носителями языка. Техника толкования внутренней формы находится пока в стадии разработки, многое здесь остается неясным и требует дальнейшего изучения (см. о некоторых проблемах такого рода в [35]). Так, одной из серьезных проблем оказывается вариативность понимания образной составляющей разными говорящими. В ситуациях такого рода возможны различные решения – от фиксации в толковании разных вариантов понимания до поиска инварианта, составляющего общую часть различных пониманий.

Учет в толковании внутренней формы оказывается совершенно необходимым, если оно должно позволять определить по экспликации толкуемое выражение (то, что можно было бы назвать принципом или постулатом узнавания). Разумеется, это сильное требование, которое, однако, правомерно, если модель значения (и в частности толкование) должно полно и точно отражать семантику толкуемого выражения.

Игнорирование внутренней формы как существенной части семантики идиом и, соответственно, части модели значения фразеологизмов искусственно сужает инструментарий лексикографа и ограничивает возможности объяснения устройства фразеологической системы, а также значения и употребления идиом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк Анна А. Внутренняя форма // Энциклопедия "Кругосвет", (www.krugosvet.ru), 2005.
2. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. Изд. 3. М., 1998.
3. Баранов А.Н. Лингвистика намека // Язык как материя смысла: Сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой / Отв. ред. М.В. Ляпон. М., 2007.
4. Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts [1830–1835] // Humboldt W. Werke in fünf Bänden. Bd. 3. Schriften zur Sprachphilosophie. Darmstadt, 1963.
5. Потебня А.А. Мысль и язык. Изд. 2. Харьков, 1892.
6. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. М., 1989.
7. Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
8. Абаев В.И. Понятие идеосемантики // Язык и мышление. М.; Л., 1948. Т. XI.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
10. Баранов А.Н. Внутренняя форма как фактор организации дискурсивных слов // Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998.
11. Sweetser E. From etymology to pragmatics / Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. Cambridge University Press, Cambridge etc., 1990.
12. Dancygier B., Sweetser E. Mental Spaces in Grammar: Conditional Constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
13. Зализняк Анна А. О месте внутренней формы слова в семантическом моделировании // Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998.
14. Баранов А.Н. Когнитивное моделирование значения: внутренняя форма как объяснительный фактор // Русистика сегодня. 1998. № 3–4.
15. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Внутренняя форма и проблема толкования // Изв. РАН. Серия лит. и яз. Т. 57. 1998. № 1.
16. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
17. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. Изд. 3, стереотип. М., 1978.
18. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. Изд. 3, испр. М., 2008.
19. Лубенская С.И. Русско-английский фразеологический словарь. М., 1997.
20. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Donald Hockney et al., eds., Contemporary Research in Philosophical Logic and Linguistic Semantics. Dordrecht: D. Reidel, 1975.

21. *Крушевский Н.В.* Об аналогии и народной этимологии // *Крушевский Н.В.* Избранные работы по языкознанию. М., 1998.
22. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1994. [репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг.].
23. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Виноградов В.В.* Лексикология и лексикография: избранные труды. М., 1977.
24. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д.* Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М.: Аванта+, 2007.
25. *Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д.* Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2009.
26. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста. Теория и практика. М., 2007.
27. *Резник Г.М., Скловский К.И.* Честь. Достоинство. Деловая репутация: Споры с участием СМИ. М., 2006.
28. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. СПб., 1912.
29. Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988. Изд 3.
30. *Мельчук И.А., Жолковский А.К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.
31. *Иорданская Л.Н., Мельчук И.А.* Коннотация в лингвистической семантике // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1980. Bd. 6.